

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

КУПОЛА КОЛОКОЛЕН

* * *

Посмотри, как дрожит этот лист на берёзовой ветке.
Полпути до зимы нам отмерят вот-вот Покрова.
Прорастает тоска, словно детство из песен советских,
и сбиваются в стаи бескрылые прежде слова.

Улетают к теплу облака, журавли, паутина —
неизбежный исход накануне больших холодов.
Пусть для всех моисеев найдётся своя Палестина.
Нам достанет юдоли и вне Гефсиманских садов.

Журавлиное эхо в озябшие заводы канет...
Проплывут над рекой непрожитых столетий клубы,
там, где Пушкинский мост обреченно бряцает замками
и рискует прогнуться под тяжестью чьей-то судьбы.

Посмотри: этот город из ветра и времени соткан.
Нам подсыпала осень в карманы звенящих денег.
Обнажённая ветка скребётся в закрытые окна.
Я держу тебя за руку крепче, чем можно держать.

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна родилась в 1983 году в г. Витебске. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Автор сборника стихов “На грани света”. Победитель Международного конкурса “Литературная Вена-2013” (Австрия) в жанре поэзии. Живёт в Витебске.

* * *

Поутру на попутке собравшись отчалить,
уложив беспокойную память в суму,
ты смотрел через розовый дым иван-чая:
не дымится ли печка в знакомом дому.

И шептала криница тебе в изголовье,
между явью и сном размывая мосты,
что не скажется гость в опустевшем гнездовье,
не нарушит суровой его немоты,

чугунок не поправит тяжёлым ухватом,
прохудившийся невод не сядет плести,
не заглянет в глаза покосившейся хаты,
возвратясь из обжитых своих палестин.

...Может быть, не об этом журчала криница,
но печаль, как травинку, сминая в горсти,
ты сегодня зашёл по-соседски проститься —
и молчишь покаянно, не в силах уйти.

* * *

Это запах весны? Это гари и засухи запах...
Разорвёт облака вопрошающе-долгое “Каррр...” —
ошалевшая птица с надеждой посмотрит на запад,
но в застывшем зрачке отразится пылающий шар.

Потемневшая даль ей опять ничего не ответит.
Заплутавший ручей пересохнет, как слёзы Рахиль.
Прошуршит по кустам изведённый бессонницей ветер
и взметнёт над дорогой прогорклую серую пыль.

В непроглядной ночи приоткроются памяти недра:
ты узнаешь в лицо распростёртых в горячей пыли
и, сухими глазами уставившись в мёртвое небо,
будешь с ними молить ниспослания лучшей земли.

Эти вязкие мысли под утро почуют во Бозе.
Разленившийся дождик пробьётся из душных перин.
И дурная ворона отыщет гнездо на берёзе,
где её желторотик проклюнет яйцо изнутри.

ВЕТРОГРАД

Всякие птицы гнездились в озёрном краю.
Всякого люда сюда приходило немало...
Старое дерево слышало: пел Гамаюн,
жёлтое солнце на ветке упругой качало.

Здесь по оврагам желтеет теперь девясил,
скалятся трещины чёрных разохшихся судеб.
Старое дерево, помнишь ли, кто приносил
чёрствыи крохи беды в немудрящей посуде?

Квѣлый осинник дрожащие руки воздел,
тянется к солнцу — наивно, светло и нелепо.
Прежнее лето намедни ушло по воде —
кануло в озеро, стало быть, кануло в Лету.

Старое дерево скрипнет ему: “Исполать!”
Эхо свернётся в дупле квартирантом угрюмым.
Ветер сомнёт потемневшую водную гладь,
на бересте процарапает тайные руны.

Сколько отчаянья в этих худых туесах!
Время на веру и веру молитву расколет...
А на востоке в набрякших грозой небесах
новым ковчегом плывут купола колоколен.